

Евгения Оман

Когда потухнет огонь

За каждое нарушенное обещание
приходится платить.

Евгения Оман

Когда потухнет огонь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69476680

SelfPub; 2023

Аннотация

Чем может обернуться поход за ягодами? Какова цена нарушенного обещания? Как выжить в мире, будто бы сошедшем со страниц учебника истории, и не сойти с ума? Пропитанная ароматом дикого лета сказка о вере, предательстве и, конечно же, любви.

Евгения Оман

Когда потухнет огонь

*20.06.20** года. Где-то в подмосковном лесу (но это неточно)*

Теперь я знаю, что не у всего в этом мире есть рациональное объяснение. С другой стороны, кто сказал, что я всё ещё в «этом» мире? Может, овраг, в котором нашёл меня Белояр, был вратами в другую реальность или другое время? Или я валяюсь в коме и вижу очень реалистичный сон? А может, я просто убился и это мой персональный загробный мир? Иначе как объяснить те события, что произошли и продолжают происходить со мной в этой деревне, скрытой в лесу и не отмеченной на картах? Короче, я пишу это, чтобы хоть немного упорядочить мысли и попытаться не спятить.

Меня зовут Кирилл Иванченко, я обычный студент-второкурсник истфака МГУ. Я не мастер слова и раньше мне и в голову не приходило вести дневник. Но сейчас мне просто физически необходимо подробно и достоверно записать то, не побоюсь этого слова, невероятное приключение, в которое я угодил. Хотя читающие это (если они когда-нибудь появятся, конечно), скорее всего, обвинят меня в бурной фантазии или откровенном вранье. Плевать. Главное, что я сам знаю: всё это чистая правда.

Я не буду рассказывать о том, как на каникулах поехал в деревню, ушёл в лес, увлёкся сбором земляники, угодил в грозу, заблудился и свалился в овраг. Я начну рассказ с того, как очнулся в очень странном месте (или времени?).

В себя я пришёл с гулом в голове и ноющей болью в левой ноге, лёжа на жёсткой деревянной лавке в избе, какие раньше видел только на картинках в учебниках и музеях. Первой мыслью было, что я попал в какой-то заповедник или лагерь реконструкторов. Но неподдельный, я бы даже сказал, суеверный интерес, с которым диковатый на вид мужик рассматривал мои вещи, заставил меня усомниться в этом. Мужик этот невысокий, коренастый, косматый и бородатый, в серой льняной рубаше и бурых шерстяных штанах, заправленных в стоптанные сапоги, и был Белояр. Местный лесник, что нашёл меня в овраге и принёс в деревню.

Тут мне хочется прервать рассказ и постараться передать ту атмосферу, в которой я живу с тех пор. Я и раньше бывал в деревне. В доме бабушки проводил почти все летние каникулы с первого класса. Но здесь всё совсем иначе. В бабушкиной деревне то и дело натыкаешься на признаки эпохи. То в глаза бросаются электрические провода, то среди звуков природы раздаётся трель мобильного или рёв трактора, а то и гул пролетающего над деревней вертолёта. А в воздухе всё равно есть едва уловимая примесь солярки и прочих благ цивилизации.

Здесь же нет никаких лишних звуков. Шелест листьев,

звон насекомых, щебет птиц, многоголосый гомон домашней скотины, лай собак в чистеньких дворах. Дружеские перебранки соседок у колодца, неспешные тихие разговоры мужиков, шутки и смех парней, девичьи песни, вопли играющей под знойным июньским небом детворы, поднимающей босыми ногами облака пыли от того, что здесь называют дорогой. И едва различимый треск раскалённой за день древесины бревенчатых, крытых соломой изб.

А какой здесь воздух! Чистый, прозрачный и невероятно ароматный. Словно сунул нос в нагретую на солнце деревянную кадку с цветочным мёдом. И даже неизбежный для деревни дух скотного двора не в силах испортить его прелести. Он, скорее, придаёт лёгкой пикантности. Сначала у меня даже кружилась голова. Хотя, возможно, это из-за сотрясения мозга или перегрева. Я как-то не привык ходить под палящим солнцем в царапающей кожу домотканой льняной рубахе, промокающей от пота и противно липнущей к распаренному телу, с непокрытой головой и босиком.

Однако вернусь к своей истории. Для Белояра я был вроде найденного в лесу раненого зверька, которого нужно вылечить и вернуть восвояси. Он поручил это своей дочери Ждане, симпатичной миниатюрной девушке примерно моего возраста. Она поила меня горькими отварами, чем-то мазала подвёрнутую ногу и с широко раскрытыми глазами слушала всё, что я говорил. Может, я был слишком красноречив. А может, она просто устала жить в страхе перед отцом,

который, как я скоро узнал, лишь на вид казался простодушным мужиком. Но однажды она попросила меня помочь ей сбежать из дома.

Белояр держал дочь в строгости. Почти не выпускал из дома (разве что к колодцу за водой), не позволял общаться с ровесниками, а на ночь закрывал ставни на засов и вешал на дверь избы замок. Снаружи. Сам же уходил в ночь и возвращался только утром. Ждана слушалась его беспрекословно. Только вздыхала грустно, глядя из окна на деревенскую молодёжь, и с детским восторгом слушала мои рассказы о «мире за лесом».

«Вот же гоминид реликтовый, мечта антрополога! – думал я. – В двадцать первом веке домострой развёл!» Но тяжёлый характер – это ещё не самая большая проблема Белояра.

Впервые я заметил странности на третью ночь моего пребывания в деревне. Меня разбудил лязг дверных петель, словно кто-то пытался ворваться в дом. Я открыл глаза и сел на лавке. Ждана замерла у двери, прислушиваясь к стихшему звуку. Я окликнул её, она вздрогнула, посмотрела на меня, замахала рукой, мол, спи давай, и молча ушла на свою половину избы за шторкой. Я до утра слушал ночную тишину, но больше ничего не услышал. Белояр вернулся утром помятый и растрёпанный, будто совсем не спал. Так повторялось каждую ночь. Чтобы никого не раздражать, я притворялся спящим. Лежал на лавке, крепко зажмурил глаза и покрываясь мурашками от металлического лязга дверных пе-

тель и щеколды.

Когда я твёрдо встал на обе ноги, а в глазах перестало темнеть от любого резкого движения, Белояр выселил меня на сеновал. И тут я узнал, что спать на сене – то ещё удовольствие! Это только в кино и книгах парочки с удовольствием предаются любовных утехам в ароматных стогах. В жизни всё куда прозаичнее. Бритвенно-острые листья сухой травы оставляют на коже тонкие порезы, жёсткие стебли норовят ткнуть куда-нибудь колючим кончиком, а мелкая пыль облепляет тело, лезет в нос и глаза. Уснуть в таких условиях нереально, особенно в жару. Вот я и не спал. Ворочался и размышлял, что делать, если захочется в туалет. Выселяя меня в этот ад, Белояр закрыл дверь сарая на амбарный замок, так что выйти подышать воздухом я не мог. Просто лежал на сене и пытался уснуть.

Именно тогда во дворе началась какая-то возня. Собачий лай и вой, лязг железа, будто кто-то дёргал дверь и не мог открыть, басовитый, почти рычащий голос лесника. Что-то грохнулось, послышался девичий крик. Я подбежал к двери сарая и прильнул глазом к щели между досок. Тени построек дрожали, словно во дворе что-то горело.

И тут мимо сарая с душераздирающим визгом метнулась здоровенная волкообразная тварь, объятая пламенем. Она пронеслась так близко, что я почувствовал жар и в ужасе отпрыгнул от двери. Не удержал равновесие, плюхнулся на задницу да так и просидел неподвижно, пока не запели пе-

тухи, а в щели не начали пробиваться лучи солнца. Утром Белояр пришёл открыть дверь и позвать меня завтракать. Он выглядел помятее обычного, а руки его по локоть покрывали свежие ожоги. Именно тогда, велев идти с ней к колодцу, Ждана попросила меня помочь ей сбежать.

«Я бы и сама давно ушла. Уж лучше сгинуть на чужбине от холода и голода, чем всю жизнь чахнуть взаперти! – Она гордо потрянула рыжими кудрями. – Да только не получается. Сколько уходила в лес, шла целый день, а всё к деревне выхожу. Так и брожу кругами, словно коза на выпасе вокруг колышка. А ты умный, вон сколько всего знаешь! Точно дорогу найдёшь. Уведи меня отсюда, Кириллушка!».

Я прекрасно могу её понять. Жить с отцом-оборотнем явно непросто. Хоть я и не хочу это признавать, опасаясь за свой рассудок, но не могу найти другого объяснения поступкам и ожогам Белояра. И от него нужно бежать. Вот только я не уверен, что без лесника смогу найти дорогу домой. Интернет и сотовая связь здесь не ловят, GPS тоже. А у механического компаса стрелка вращается по кругу, как одержимый дервиш. То ли здесь какая-то геомагнитная аномалия, то ли самая натуральная, да простит меня Дарвин, мистика. Если честно, я собирался в тот же день просить Белояра проводить меня домой, но просьба Жданы резко изменила мои планы. Хуже всего было то, что она начала мне нравиться. Не как человек, а как девушка. Скажу прямо: я влюбился в неё по уши!

Я понял, что не смогу отказать Ждане и что Белояр ни за что не отпустит дочь со мной. Но я честно признался ей, что понятия не имею, как искать дорогу домой.

«Нам бы только Солнцеворота дождаться, – ответила она, с нежностью глядя мне в глаза. – Зацветёт папоротник – его цветок нам путь и укажет. Три денёчка всего подождать надо».

Честно скажу: в первую минуту мне захотелось ехидно усмехнуться и доходчиво объяснить ей, что папоротник не цветёт. Но она была так уверена в своих словах, что я невольно усомнился в своих знаниях. Если существуют лесники-оборотни, то почему бы не быть и цветущему папоротнику? Ждана предложила дождаться праздничной ночи, уйти в лес, найти цветок и с его помощью искать выход из деревни. Звучало это так, будто она давно уже всё придумала и лишь ждала подходящего попутчика. И дождалась меня. Я же решил использовать оставшиеся дни с толком и как можно лучше изучить это место.

Мои вещи мне отдали сразу после осмотра. Все, кроме футболки и носков. Их Ждана просто выбросила, сказав, что они были очень «худые». Взамен выдала мне льняную рубашку и какие-то обмотки. С обмотками я не справился, кроссовками на босу ногу тут же натёр мозоли, поэтому решил ходить босиком. Да и местные так меньше от меня шарахаются. Я для них и так диво дивное, чудо чудное. А они кажутся мне одной большой семьёй. Все рыжие (от медово-зо-

лотистого до медного), так что когда деревня собирается в общинном доме, я будто попадаю в центр пожара и стараюсь поскорее выйти на улицу подышать свежим воздухом. Точнее, табачным дымом.

Кстати, здесь не курят. И похоже, даже не знают о табаке. Я берегу оставшиеся сигареты, как сокровище, и подумываю бросить курить. Как-то даже стыдно портить этот воздух дымом. Алкоголь здесь тоже не в почёте. Ждана говорит, что по праздникам пьют мёд, да и то в ритуальных целях. Кстати, об этом. Поначалу я думал, что угодил в деревню староверов – таких много в российских лесах. Но тут нет церкви, кладбища с крестами и иконостасов с лампадами в домах. Зато куда ни глянь – повсюду символы, напоминающие свастику. Не будь я студентом истфака, решил бы, что оказался в лапах потомков третьего рейха. Но это просто языческие солярные символы. Так что я либо в деревне неоязычников-родноверов, либо в далёком прошлом. Первый вариант кажется мне более реальным. Тем более что язык местных, хоть и пестрит архаизмами, но вполне понятен. Особенно со словарём Даля в смартфоне. К тому же давно доказано, что «Велесова книга» была подделкой и у родноверия нет исторических корней. Вот только это нифига не объясняет творящейся здесь мистики!

Например, сегодня утром все коровы на общем скотном дворе дали червивое молоко. Бабы с воем выбежали из коровника, и ещё часа два над деревней стоял женский плач.

Одна старушка, видимо, немало пережившая на своём веку, спокойно объяснила, что это проделки ведьминого духа. Мол, старая ведьма умерла, не оставив преемницу, теперь её дух деревенским покоя не даёт.

«Кабы Белояр ведьму не убил, – сказала старуха, – она бы ученицу нашла, передала ей знания и упокоилась с миром».

«Кабы Белояр её не убил, – влезла другая баба, помоложе, – она бы Ждану в ученицы взяла. Всё к тому шло. А какому отцу охота, чтобы его дитё всю жизнь бобылём прожило? Ни семьи, ни детей. Может, и будет какой полюбовник, так то пока молодая да красивая».

Я спросил, с чего они взяли, что виноват лесник. И они в один голос ответили: «Кто ж ещё?» Белояр, мол, принёс ведьмины кости из лесу в мешке, сказал, что волки загрызли. А где это видано, чтобы ведьма с лесным зверем не справилась?

«Дом-то ведьмин до сих пор хозяйку ждёт, – продолжила старуха. – Ни пылинки ни село, будто только прибрались. А ведь пять лет уж минуло».

Этот разговор помог мне сложить кусочки пазла. Выходит, Белояр убил ведьму, чтобы спасти Ждану от ведьмовской карьеры. Возможно, та перед смертью сделала его оборотнем. Это было пять лет назад. Как раз тогда, по словам Жданы, отец стал её запиравать. Знает ли об этом Ждана? И если знает, почему не рассказывает? Чувствует ли она ко мне хоть что-то или я для неё просто способ сбежать? Завтра я

получу ответы. И это меня пугает.

*21.06.20**. Всё там же*

День начался с неприятностей. Утром я, как и собирался, пошёл к Ждане за ответами на мои вопросы. Но то, что случилось, совершенно выбило меня из колеи. Ждана застыла около печки, словно прислушиваясь к какому-то далёкому звуку и глядя в печь остекленевшими глазами. И глаза эти, обычно травянисто-зелёные, были жёлтыми, как у кошки. Или волка. Я тихо окликнул её, но она не услышала. Тогда я окликнул ещё раз, уже громче. Ждана вздрогнула, резко обернулась ко мне, рукой смахнула с припечка горшок. Осколки разлетелись по полу, она охнула, а лежавшая на полу соломенная циновка вдруг вспыхнула.

Я остолбенел. Пальцы похолодели, в ушах зашумела кровь, живот мерзко свело. На ватных ногах я сделал пару шагов назад и привалился к двери. Сердце бешено колотилось где-то в горле, и голос Жданы не мог прорваться сквозь этот шум. Кажется, она что-то кричала мне, но я не слышал. Я лишь царапал ногтями дверь, пытаюсь найти выход из горячей избы. Сквозь туман в глазах я видел, как Ждана схватила кувшин и выплеснула его содержимое в огонь. Пламя потухло, а по полу разлилась кроваво-красная лужа.

Когда огонь погас, я медленно сполз по двери и сел на пол. Ждана подошла и нависла надо мной.

«Ты чего, оглох? – спросила она. – Я ему кричу воды неси, а он стоит, рот разинув. Пришлось морсом заливать. Жалко. Чего застыл-то?».

«Я огня боюсь», – честно ответил я.

И рассказал ей то, о чём знали только мои родители и мой психоаналитик. Как в детстве мы с другом Колькой жгли тополиный пух, как подул ветер и огонь перекинулся на Кольку, как на нём загорелась одежда и он живым факелом метался по скверу, а я стоял и смотрел, не понимая, что нужно делать. Правда, я не стал рассказывать, что Колька выжил, но не смог смириться со своей новой внешностью, подсел на героин и умер, как настоящая рок-звезда, захлебнувшись во сне блевотиной. Я просто сказал, что друг сгорел у меня на глазах и с тех пор я панически боюсь открытого огня в любом виде. Даже газовой плиты. Я и курить-то начал, чтобы побороть свой страх.

Ждана опустила рядом со мной на колени, накрыла мою ладонь своей и посмотрела мне в глаза. И столько в её глазах было сочувствия, понимания и ласки, что я напрочь забыл обо всех подозрениях и вопросах, которые хотел задать.

«Огня не надо бояться, – она погладила меня по руке. – Его уважать надо. Сегодня день особый, праздничный. Солнцеворот. Вечером будет большой костёр у реки. Тебе нужно этому огню дар принести, проявить уважение, попросить забрать твой страх. Я тебя научу. Вечером».

Её лицо оказалось очень близко, а тёплые губы легонько

коснулись моих губ. Тут нас и застал Белояр.

Лесник открыл дверь так резко, что я вывалился в сени, а Ждана упала на меня. Недолго разбираясь, Белояр ухватил меня за шиворот и выволок на двор.

«Ты чего удумал, проходимец! – рычал лесник, встряхивая меня, как пустой мешок. – Хоть пальцем Ждану тронешь – от тебя и костей не останется! Понял?»

Я кивнул. Белояр поставил меня на землю и ушёл в избу, громко хлопнув дверью. Из-за забора послышался дружный смех проходивших мимо парней с охапками хвороста.

«Что, полюбовничек, не видать тебе отцова разрешения?» – шутливо спросил один.

«Ты поаккуратнее со Жданкой-то, – добавил второй. – А то кончишь как Мирослав. На прошлый Солнцеворот он к ней целоваться полез, так она на него так глянула, что бедолага враз вспыхнул и сгорел заживо».

«Бредни это всё! – вмешался третий. – Он спиной к костру стоял, попятился, наступил в огонь, вот и загорелся. Нет тут никакой ворожбы».

«Эх, тяжко без ведьмы-то, – вздохнул первый. – Волки совсем озверели. Каждую ночь в деревню приходят. Скоро в избы залезать начнут. Надоело уже ночами в сенях караулить!»

Парни пошли дальше. Я перевёл дух и медленно побрёл следом. Вся деревня готовилась к празднику. Украшали дома, готовили пир, тащили поленья и охапки хвороста для

костра на берегу реки. Девушки плели венки. Праздник, известный мне под названием Иван Купала, здесь отмечали так, как это делали до прихода на Русь христианства, то есть в день летнего солнцестояния – самый длинный день в году. И весь этот день в деревне царила предпраздничная суэта.

Я бродил как неприкаянный, боялся вернуться в дом Белояра и обдумывал произошедшее. Что-то не давало мне покоя, ворочалось в мозгу, словно червяк. И лишь снова увидев тех парней, что встретил утром, я понял что. «Нет тут никакой ворожбы», – сказал один из них. И теперь я понял, что он прав. Здесь нет никакой мистики!

Как я мог быть таким доверчивым? Как будто не будущий учёный, а самый обычный наивный дурак! Придумал себе страшную сказку и сам в неё поверил. Оборотни, ведьмы, проклятия, другой мир или другое время. А всё до обидного прозаично. Это самые обычные сектанты-родноверы. Ушли в лес подальше от цивилизации и творят здесь что вздумается. Может, и поганки жрут, как и положено язычникам. И ещё неизвестно, что было в отварах, которыми поила меня Ждана. Под наркотой и не такое привидится, в любую чушь поверишь.

Нет никакого лесника-оборотня. Есть волки, которые повадились ходить в деревню. Может, после того, как загрызли в лесу старуху-ведьму. Говорят, со зверем такое бывает: раз попробовал человечины и уже не остановится. Они и лмятся по ночам в двери. А деревенские мужики их отгоня-

ют. Волка-то я и видел. Наверное, Белояр отпугивал его каким-нибудь горящим поленом и случайно поджёг. И руки себе обжёг. А в том горшке на припечке были угли из печи. Упали на циновку, вот она и загорелась. И никакой магии. Ну а червивое молоко... Не знаю, может, у коров какая-то инфекция, вот молоко и свернулось. А глупые бабы с перепугу приняли это за червей.

И Ждане я, выходит, нужен просто в качестве билета в большой мир. Увезу из деревни, помогу устроиться в городе и стану неинтересен. А я-то уж губешки раскатал: отважный попаданец спасает деву в беде от отца-оборотня и ведьминого проклятия. Вопрос только в том, что она планирует делать со мной дальше? Что деревенские со мной сделают, если поймут, что я их раскусил? Есть ли у меня вообще шансы уйти из деревни без их разрешения? Видимо, придётся ей подыграть. Пойти в лес искать цветущий папоротник, чтобы он нас «вывел». А потом сдам её в полицию – пусть разбираются. Вот только я же действительно люблю её...

– Кириллушка, ты здесь? – голос Жданы прозвучал от двери сарая.

Кирилл захлопнул блокнот, в котором писал и быстро убрал его в накладной карман армейских штанов. Хороших, «несгораемых» штанов, заказанных пару лет назад из США.

В таких хоть в костёр шагни – не обгоришь.

В небе над деревней полыхал закат, заливая сарай огненно-красным светом. Ждана стояла в дверях, и её рыжие волосы пылали в лучах закатного солнца. Из одежды – только белая рубаха до пят, на голове венок из диких лилий, жёлтых и оранжевых. Второй такой же венок она держала в руках.

– Везде тебя ищу. Праздник в самом разгаре. Я отцу сонного зелья подлила, так что его можно не бояться. Пойдём со мной, пора. Вот и венок тебе сплела. Если примешь, конечно. – И робко протянула ему венок.

Он замер на секунду, решая, как поступить, и шагнул навстречу. Она надела на него венок, взяла за руку, повела за собой к реке, где на берегу возвышался праздничный костёр и деревенские с весёлым смехом прыгали через пламя. При виде языков огня Кирилл снова замер. Живо представил, как огонь жадными щупальцами хватает его за ноги и за руки, обволакивает, пожирает заживо, словно хтоническое чудище.

– Я туда не пойду! – вырвал руку из её тёплой ладони. Вместе со страхом пришла и злость. Слова сами слетали с языка: – Не буду участвовать в ваших глупых ритуалах. Это всё обычные суеверия, а вы просто сектанты и сами себя обманываете. Мы живём в двадцать первом веке, в мире нет колдовства и богов. А я нужен тебе только для того, чтобы сбежать от отца. Так ведь? Заморочила мне голову этими сказками и просто используешь! – сорвал с головы венок и

бросил в сухую траву.

– Зачем ты так, Кириллушка? – она смотрела на него сквозь слёзы – Какие сказки? Я всегда тебе правду говорю, помочь хочу, уйти с тобой и жизнь вместе прожить. Но коли не любя тебе, так и скажи.

Показалось или трава у неё под ногами легонько дымилась?

– Не любя, – буркнул Кирилл и отвёл взгляд. Ждана закрыла лицо руками, задрожала от слёз, резко развернулась и убежала в поле за деревней.

– Ну и гори тогда всё огнём! – разнёсся над деревней её звонкий голос.

Следом деревенские один за другим закричали:

– Пожар! Покос горит!

И в закатное небо поднялся столб дыма от горящей травы.

Люди побежали кто в поле, кто в деревню за ведрами. Все прекрасно понимали, что в такую жару огонь быстро доберётся до изб. Кирилл стоял как вкопанный, его то и дело толкали и обзывали как придётся. А он широко раскрытыми глазами смотрел в поле, где в кольце огня стояла Ждана и сама пылала, словно огненный демон.

Тяжёлая рука легла ему на плечо.

– Твоя работа? – сиплый голос лесника раздался над ухом. – Чем ты её так разозлил?

– Что это т-т-такое?» – заикаясь спросил Кирилл.

– Ведьмино проклятие. Расплата за мою подлость и невы-

полненное обещание. Ждана – непростая девушка. У нас с женой моей Любавой долго не было детей. Вот она и решила пойти к ведьме за помощью. Та сказала, что беде нашей легко помочь, но в качестве платы потребовала ребёнка. «Коли родится дочь, растите её и любите, а как минет тринадцать вёсен, приведите ко мне. Я её в ученицы возьму».

Я испугался, хотел отказаться. Но Любава меня уговорила. Сказала, что тринадцать лет – это много. Мало ли что случится за это время, придумаем что-нибудь. И согласилась. Тогда ведьма велела: как потухнет огонь в костре на Солнцеворот, взять из него горсть тёплой золы и принести ей.

Так и сделали. Она золу в отвар высыпала и дала Любаве выпить. А через год Ждана родилась. Да вот только Любава этого не пережила, сгорела в горячке. Должно быть, это ведьма её наказала за попытку обмана. Когда Ждане исполнилось тринадцать, ведьма пришла за обещанной платой. И я её убил. Отнёс тело в лес и оставил волкам на растерзание. Да только она и после смерти нашла способ мне отомстить.

Ждана с тех пор сама не своя стала. Ночью встаёт с постели и идёт во двор. Стоит, руки к небу подняв, и поёт, а в глазах огонь горит. И волосы, будто раскалённый металл, светятся. Не девка, а Жар-птица. Того и гляди, обрастёт перьями и улетит. И волки в лесу ей воем отвечают. А если её окликнуть или испугать, поджигает всё, на что посмотрит. Чуть дом не спалила. Вот и стал я её на ночь в избе запирать, от беды подальше. А как сожгла она Мирослава, так и вовсе

решил от людей подальше держать. Она, правда, убежать по-вадилась. Недавно ночью сбежала, пришлось волоком в дом тащить, все руки мне пожгла. Теперь вот усыпить меня пыталась.

– Она знает? – только и смог спросить Кирилл.

Лесник отрицательно покачал головой.

– Спаси её, парень. Проклятие ведь не навсегда, а куда не полюбит она кого всем сердцем и ей не ответят тем же. Вижу, любит она тебя. Коль и ты её любишь, иди и скажи ей. Тогда проклятье силу потеряет. Иначе она своей силой всю деревню сожжёт, никого не пожалеет.

Кирилл не мог пошевелиться. Он знал, что должен спасти любимую, но для этого ему нужно было преодолеть свой страх. Пройти к ней сквозь горящее поле. Все сомнения минувшего дня развеялись, как дым. Он был в центре самой настоящей волшебной сказки с ведьмами и проклятиями. Страшной, но волшебной. И только он мог привести героев сказки к счастливому концу, неважно, какой ценой.

И он шагнул навстречу своему кошмару. Прошёл по сгоревшей траве, обжигая ступни. Задыхаясь от дыма, минул стену огня, подошёл к Ждане и обнял её резким, порывистым движением, словно схватился за раскалённую железку. Миниатюрная девушка едва доставала макушкой ему до плеча. Цветы в волосах обуглились, рубаха почти сгорела. От её жара лопались сосуды в глазах и взгляд застилала кровавая пелена, а кожа на руках и груди шипела и плавилась, будто

стейк на сковороде.

– Я люблю тебя! – сквозь рёв пламени прокричал Кирилл, чувствуя на лопнувших губах вкус собственной крови, а в тяжёлом воздухе – запах своей плоти.

Только не сказал Белояр ему всей правды. Утаил, что проклятие спадёт лишь тогда, когда Ждана своей силой погубит того, кто ей мил.

Вслед за кровавой пеленой пришла тьма. И во тьме Кирилл слышал её голос:

– Потерпи немножко. Скоро будешь дома. Ваши лекари слабые, им с такой бедой не справиться. Я твои раны подлечу и домой отправлю. Нельзя тебе здесь оставаться. Разные у нас дорожки, не пересекаются. Мне на роду написано одной быть, а у тебя вся жизнь впереди. Встретишь ещё свою судьбу. Тебе к родным нужно, они тебя любят и ждут. А я здесь должна остаться, своей семье помогать. Они теперь все моя семья, а я им всем мать. Я тебя всегда помнить буду, и ты меня не забывай. Но не ищи, всё равно не найдёшь. Только погибель свою сыщешь. Спи, любимый.

Кирилл открыл глаза. В них словно воды налили: и по ощущениям, и по качеству изображения. Но даже сквозь муть он видел, что находится в своём привычном мире и времени. Судя по обилию белого цвета и монотонному писку приборов, в больнице.

– Надо же, кто к нам вернулся! – раздался над ухом голос Андрюхи, младшего брата. – Мы уже и не надеялись. Ну и соня! Две недели в бессознанке провалялся.

– Что случилось? – прохрипел Кирилл и сам испугался своего голоса.

– Тебя в лесу нашли. Была гроза, и ты угодил в лесной пожар. Обгорел немножко. Но ничего страшного! – судя по голосу, брат улыбался. – Врачи говорят, всё поправимо. Зрение восстановится, руки тоже. Нейрохирургом тебе, конечно, не быть, но ты вроде и не планировал.

– Вот как, значит. А какое сегодня число?

– Двадцать второе июня.

Кирилл вздохнул. Вот и прояснилось всё. Выходит, он заблудился, попал в грозу и пожар, обгорел и провёл две недели в коме. И всё это был просто сон. И деревня, и Ждана, и ведьмино проклятие.

– Мы только не поняли, чего ты был в одних штанах и кроссах на босу ногу, – продолжал трещать брат.

Кирилл вздрогнул.

– Блокнот! В кармане штанов был блокнот?

– Не-а. Ничего там не было. Даже телефона. Пойду родителей позову, они за кофе пошли. Смотри, не усни опять!

Кирилл прикрыл глаза. Значит, всё-таки сон.

– А, это! – Андрюха снова заговорил, стоя в дверях палаты. – Твой медальон мама домой увезла. От греха подальше, мол, разные люди в больницах бывают. Правда, шнурок при-

шлось разрезать, он через голову не снимался.

– Какой медальон?

– Ну такой, с этим славянским символом. Как свастика, только много лучиков.

– Коловрат.

– Ага, точно. Прикольный, я у тебя его раньше не видел.

Судя по виду, старинный. На раскопках спёр?

– Нет, – слабо улыбнулся Кирилл. – Знакомая подарила.

Чтобы не забывал.